

Николай Хрипков

В городской подземке

Рассказ

Николай Иванович Хрипков В городской подземке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70440577

SelfPub; 2024

Аннотация

Здесь с раннего рассвета до поздней ночи кипит жизнь, особая и неповторимая.

Николай Хрипков

В городской подземке

Воскресный парк – это место, где цепь разорвалась, и ты обрел свободу. Пусть призрачную!

И всё-таки я не прогадал. Взял чуть больше. Еще и хватит постоять с кружкой пива, пока Витька будет кружиться на какой-нибудь дурацкой лошадке. Останусь без копейки, но хоть что-то, чем совсем ничего.

Мы подошли к переходке.

Спускаясь в переходку, чувствуешь себя шахтером, который через минуту вынесет на-гора свое тело.

Снизу из-под земли шли какие-то непонятные звуки. Вроде как музыка. Стали спускаться. Звуки усилились. Что-то непонятное. Возле стены серого мрамора стояла группка молодых людей. На всех потертые старые джинсы, футболки, разбитые кроссовки. Я не музыкант. И особого интереса к музыке не проявляю. Моя музыкальная эпоха закончилась вместе с битлами. Современный рок мне был чужд. Про попсу даже говорить не удобно. Но это было ни то, ни другое и ни третье. Да и инструмент не обычный. Трубы. Вот это, кажется, саксофон. Вот флейта. А эта дудка, даже не знаю, как называется. Но звук у нее особый, какой-то ноющий, протяжный и чуть хрипловатый.

Я не собирался останавливаться. Бродячих музыкантов в настоящее время развелось немало. Кому-то, вероятно, повезло. Пристроились в какой-нибудь кабак и лабают попусу. Но этим явно кабак не светил. Я стоял, держал сына за руку и не мог двинуться. В прочем, и спешить-то мне не было некуда. нас, зевак, или всё-таки слушателей, было с десятков. Музыка завораживала, держала, не отпускала. Да это же джаз! Догадался я. Для меня это была маргинальная музыка. Не в том смысле, что для люмпенов, отбросов общества. Но я ее считала какой-то чуждой, узкопрофессиональной. Как говорится, на любителя.

Даже само слово «джаз», казалось мне, должно было резать ухо каждому русскому. Это как будто гвоздем вы царапаете по стеклу.

Боже! Что это? Ведь это моя жизнь. Вот романтическая юность, с ее верой, надеждой и любовью. Девушка в ситцевом платье, коротком, выше колен, которую я увидел в алтайской экспедиции. Дул жаркий ветер, она придерживала ладошками платье. Стоила ей убрать ладони, и ветер заголил подол. Мелькнули ее ноги и... вот такой она мне теперь виделась и днем, и ночью. Я дал ей слово, что через год приеду за ней. Она рассмеялась. И не поверила, конечно. А я приехал. Потом нес ее в подвенечном платье на третий этаж московской квартиры. Она ойкала, боялась, что я ее уроню. Мы были счастливы.

Это что? Черноморское побережье. Вот оно какое море! Бескрайнее! А там берег турецкий!

Зачем так? Всё хорошо начиналось. Ударник отбивал часы, дни, недели. Мы были счастливы. И казалось, что так будет всегда. Иначе быть не может. Мы, как эти чайки, парим над бескрайним морем. Звуки переливались, как шампанское в бокал. Лопались пузыри, распространяя аромат праздника. Мы любили друг друга. Мы не могли друг без друга. Я не слышал, как тихо нарастал трагический голос саксофона. Он был вначале такой далекий и невнятный. Но что-то уже дрогнуло во мне. Друзья, рождение сына, мне, как перспективному работнику дали квартиру. И наконец-то мы перебрались из общежития. Всё так удачно. Даже не обращал внимания на мелкие неприятности.

Вот! Вот этого не надо! Я не хочу верить, что в мире бывает трагедия. Если что-то случается страшное, то не со мной. Оглядываюсь, гляжу на сына. У него широко открытые глаза. его тоже заворожила эта музыка. И мне это кажется невероятным. Конечно, он не догадывается и никогда не узнает о моем маленьком служебном романе. Прошло время, и я его уже совершенно забыл. А вот сейчас напомнили.

Да и никакой это не был роман. А так легкая интрижка. Вон как легко парят звуки, падают и разбиваются о пол как новогодние стеклянные шары. Осколки сметут и выбросят.

Саксофон уже набрал силу. Я дрожу. Я хочу уйти. Мне страшно. Я не хочу больше слушать. Не могу. Уходят из жиз-

ни родителей. Мне казалось, что они будут вечно возле меня.

После второго инсульта умер старший брат. Я узнал об его смерти случайно через год. А через год его сын, мой племянник, у которого был порок сердца. А саксофон предупреждает, что это еще не все. Это только начало. И будут еще тяжелее удары. Не надо! Отпусти! Я ничего не хочу знать. Будь, что будет, но я не хочу об этом знать. Жить! Надо жить! Призывает труба. В жизни всё будет. И не в нашей воле изменить судьбу. Не отчаиваться!

Наступает неожиданная тишина. ударник опустил ладони с набухшими венами на колени.

Что это было? Ребята пакуют инструменты. На дне черной шляпы несколько смятых бумажных купюр и мелочь. Немного же они тут заработали! На кофе, может быть, и хватит.

Выгреб всё из кармана. Поразительно! Витька молчал. Как будто это его не касалось. Не упрекал. В конце концов, можно было и просто так прогуляться по парку. Вон какая замечательная погода. Нарядные люди. Кто-то прогуливает собачек. И не обязательно нужна карусель или мороженое.